

Т

акой осени у них давно не бывало. Небо — как летом в самую лучшую его пору — ослепляло синевой; легкие белые облачка («”Прелестные” — так ведь называл их Бунин?» — уточняла она у мужа) не закрывали солнца — уже не обжигающего и не изнуряющего, а ласкающего кожу нежным, сравнимым разве что с теплом материнской руки, теплом.

Утро у них начиналось, как и в Москве, с тарелки геркулесовой каши и чашечки кофе. Мужу с его гипертоническими наклонностями следовало бы от этой чашечки отказаться, но — как тут, опять же, не согласиться с классиком: привычка выше нам дана. А уж если эта привычка продиктована сумасшедшими ритмами столичной жизни...

— Что-то мы с утра поминаем классиков, — проворчал супруг, выходя из дома на утреннюю прогулку. Шли сначала берегом реки: их улица упиралась своим концом как раз в ее крутой берег; потом тропинка уводила их в лес и они дышали чистейшим, прозрачайшим воздухом теплой благодатной осени.

— Ну как тут опять не вспомнить: «Весь день стоит как бы хрустальный...»

— Согласен. Такой осени у нас с тобой давно не бывало.

В общем, это «давно не было» превратилось у них в рефрен отпуска, и он, этот рефрен, радовал душу, успокаивал нервы, настраивал на ощущение редкостного, выпавшего вдруг на их долю счастья безмятежного отдыха. Прошедшая зима получилась тяжелой, подросткам внукам требовалось то и это, и они старались родителям — сыну и дочери — помочь: Кир, вдобавок к занятиям в музыкальной школе, набрал «домушников», она, в свою очередь, вспомнила свою профессию — учитель рисования — и тоже занялась репетиторством. После зимы решили поработать еще и летом (тем более что многие их ученики сдавали вступительные экзамены кто в музыкальные, кто в художественные училища и вузы) — словом, время для отдыха образовалось только в самом конце августа. И они сразу же поехали сюда, в свое загородное «имение» — маленький домик в маленьком городке черноземного края. От возможности отдохнуть на море дружно отказались — зачем им море, где народу как комарья, где день и ночь сливается в уши отдыхающих звукозапись (этот термин — звукозапись — придумал Кир: профессиональный музыкант не хотел называть музыкой то, что настойчиво и назойливо исторгается сейчас из динамиков на всех пляжах страны и зарубежья). Теперь, на пенсии, Кир (Кирилл Владимирович) — преподаватель обычной музыкальной школы, а было время — играл в Государственном симфоническом оркестре. В этом качестве его можно увидеть, когда по телеку показывают старые музыкальные передачи: симпатяга-скрипач вдохновенно выводит смычком сложнейшие музыкальные пируэты; ей хорошо известно, что при необходимости муж мог сесть и за фортепьяно, обнять контрабас... Она говорила ему: «Ты сам вполне мог бы руководить оркестром». На что Кир невозмутимо отвечал:

— А ты знаешь, сколько не относящихся к музыке проблем тогда пришлось бы решать? Выстраивание отношений с администрацией, со спонсорами... Бр-р-р...

И она, в конце концов, поняла: муж так любил музыку, что не хотел размениваться больше ни на что: ни на большие гонорары, ни на славу и почести — знаки иных состоявшихся музыкальных карьер (чаще всего, кстати, вполне заслуженных); ему достаточно самой музыки. Музыка — его одна, но пламенная страсть...

— Сколько там шагов мы должны ежедневно проходить, согласно японцам?

— Десять тысяч, помнится.

— И никаких возрастных ограничений и поблажек?

— Ну, не знаю. Есть, наверное. Но к тебе-то это какое имеет отношение?

Она оценила его комплимент и улыбнулась глазами. А потом попросила остановиться, подошла и уткнулась ему в плечо. Всего на минутку. И дальше уже шла с этим недавно, вот в этих краях, возникшим чувством: все хорошо! Все так хорошо кругом! Может быть, с миром что-то произошло? Может, в нем произошел какой-то качественный скачок, который резко — всего за неделю — время, которое они здесь живут, сдвинул его в сторону мира и гармонии?

Вернувшись домой, похлебали вчерашнего супа и нашли его очень вкусным. Потом, лежа на диване, почитали вслух Бунина с его прелестными белыми облаками; Лада сказала: «Но ведь он был верующий, причем православного вероисповедания. Почему же облака у него — прелестные? Прелестные — от слова “прелесть”, а ведь тебе известно...» Доволь-

но бесцеремонно, что случилось с ним крайне редко, Кирилл перебил жену: «Ладушка, не будь ханжой. Бунин был художником с необыкновенно развитой творческой интуицией, вот она-то, наверно, и подсказала ему: слово это не только красивое, но и многозначное, многомерное, и толковать его в одном-единственном смысле — кощунство и преступление. Ты будешь спорить с Буниным?». Она подумала и решила довериться классику русской литературы. Закончив свою короткую дискуссию, они без всяких снотворных таблеток (чего не случилось в Москве) мирно уснули на своем широком диване.

Им уже стало казаться, что так вот — легко и спокойно — им будет теперь всегда, весь их отпуск, как вдруг...

Что к соседнему дому подъехала машина, они почувствовали (услышали) еще ночью. А утром, когда вышли во двор, увидели над забором кудлатую мужскую голову:

— Здорово, соседи!

— Здравствуйте, коль не шутите, — приветливо откликнулись они.

— Какие шутки, если будем жить через забор. Вот — свою лошадку приехал подремонтировать. Что-то хромать начала.

— Вы имеете в виду машину? Может, вам помочь? — вызвался муж.

— Не, я сам.

Голова исчезла, а через некоторое время из-за забора неожиданно послышалась... звукозапись. Впрочем, почему неожиданно? Такого рода «музыка» звучит сейчас не только на море. Точнее сказать, она и на море-то звучит потому, что несется почти из каждой приезжающей туда машины.

Лада встревоженно посмотрела на мужа. Это однообразно и тупо повторяющееся «тых-тых, тых-тых» он не просто не переносил — от этих звуков у него, привыкшего к другой музыке, поднималось давление. И — что делать?

— А пойдём гулять? — решила она увести Кира на прогулку пораньше. Муж охотно согласился. На этот раз она взяла с собой даже тормозок: «Устроим сегодня пикник».

И опять — лес, облака, небо... Земля все еще оставалась такой теплой, что на ней можно было сидеть, не опасаясь простуды. Лада бросила на траву легкий плед, разложила на полотенце хлеб, огурцы, помидоры. Начали пировать. Говорилось на этот раз о Рахманинове. Любимых композиторов у Кира (а значит, и у нее) было много, но Сергей Васильевич был в этом ряду на особом счету. Почему так? Потому что «самый русский» — не они одни это признавали. Музыка Рахманинова — это музыка вот этих окрест раскинувшихся полей и лугов, реки, несущей свои воды медленно и плавно, но какая неукротимая мощь чувствуется в них! И опять же, эти облака... И все же когда три года назад по совету друзей («поверьте — не будете жалеть») они покупали свой домик, то и не подозревали, что в соседнем с городком селе, то есть как раз в самом сердце России, «самый русский композитор» провел три лета. Если по порядку, то было так.

В Красное они поехали, когда узнали, что там установлен Памятный знак в честь Николая Николаевича Раевского-сына. От местных краеведов им стало известно также, что село это (а полтора века назад — слобода Красенькая) генерал-лейтенант Раевский-младший получил в приданое после того, как соединил узами брака свою судьбу с судьбой Анны Михайловны Бороздиной, фрейлины Двора Его Императорского Величества,

владевшей, в числе многих других, именем в Воронежской губернии. Те же краеведы утверждали, что Памятный знак установлен не просто на воронежской земле, но — на месте захоронения супруга Анны Михайловны, умершего гораздо раньше нее. Собственно, они и поехали в Красное затем, чтобы сделать снимки уникального места: ну-ка, в каждом ли российском селе имеется захоронение человека с таким богатым прошлым: участник войны с Наполеоном, друг Пушкина и декабристов, основатель города на черноморском побережье...

Та поездка оказалась богатой на впечатления еще и благодаря неожиданной встрече: у Памятного знака, разыскать который было нетрудно — он стоял в центре села, на возвышении, — они обнаружили стоявшую в задумчивости немолодую, но очень симпатичную женщину с букетиком васильков в руках. Лада с ходу поинтересовалась:

— Простите (она кивнула на букетик), это вы ему принесли?

— Ему, одному из лучших сынов России.

Фраза была произнесена так естественно и просто, что не показалась им высокопарной. Завязался разговор, и вскоре они узнали, что женщина — местная учительница, к тому же еще и краевед. Она говорила о Раевских, будто знала их всю свою жизнь. В какой-то момент в их беседе прозвучала и эта фамилия: Рахманинов. «Он тоже бывал здесь, в этом селе?» — не замедлила с вопросом Лада.

— Увы — всего три лета. Но сколько успел сделать!

Могли ли они после всего услышанного, и, главным образом, еще не услышанного, отказаться от гостеприимного приглашения на чай?

Хозяйка дома, в котором они оказались, и про Рахманинова рассказывала так, словно прожила с ним в Красненьком три незабываемых лета. «Приглашение погостить композитор получил от семьи бывшего управляющего имением Раевских Юлия Ивановича Крейцера. У него было дочь — Елена, неплохо игравшая на фортепьяно. Только ей ведь хотелось играть еще лучше. Вот почему Крейцеры еще зимой попросили уже известного в Москве композитора позаниматься с их дочерью. Занятия начались зимой, а на лето Крейцеры, как всегда, поехали в Красненькое. И пригласили Рахманинова с собой».

Лада заикнулась про тамбовскую Ивановку, на что собеседница отреагировала бурно:

— Что там Ивановка! В Ивановку, в имение Сатиных, на лето съезжалось столько народа! Здесь же были тишина и покой — они в то время были ему особенно нужны. Вам же известно, что после неудачной премьеры Первого концерта Рахманинов буквально заболел. Так вот, здесь, в Красненьком, он начал не только обретать душевный покой, но и работать. На нашей земле создавался гениальный Второй фортепианный концерт... А вам известно, что этот концерт начинается со звона наших, краснянских колоколов?

— Конечно, помню. Сначала мы обалдели, а вечером включили запись и поразились: как же сами не догадались, что вот эти мощные раскатистые звуки, с которых начинается концерт, — это и есть колокольный звон?!

Она говорила, что до революции в селе было три храма. Это какой же чудесный перезвон начинался здесь в православные праздники! Поэтому она и сказала: «Что же удивительного в том, что Рахманинов — человек с уникальным музыкальным слухом — *услышал* их и вплеп в ткань своего музыкального концерта?»

О Рахманинове, как и о покойной — увы — учительнице («Ты помнишь — ее звали Надежда Прокофьевна?») они могли бы говорить еще и еще, но их остановили сгущающиеся сумерки. Надо было возвращаться домой.

Дома Лада быстренько пожарила картошку, сели за стол.

Они еще делились своими «а помнишь, а помнишь», когда из-за забора опять послышалось: тых-тых, тых-тых... Кирилл с досадой положил вилку на стол:

— Ну, это уж слишком...

Вскоре его голова маячила над забором.

— Слушай, сосед... Музыка тебе не мешает?

Начал вполне миролюбиво, но потом не сдержался:

— Если, конечно, это можно назвать музыкой.

Сосед, высунув голову из-под машины, смотрел озадаченно. Казалось, он не понимает вопроса. Или действительно не понимал? Потому и спросил:

— А что же это, по-вашему, если не музыка?

На этот раз Кир не стал скрывать раздражения:

— Это просто неудачный набор примитивных звуков. Возможно, даже не случайный. Возможно, с их помощью зомбируют тех, кто...

Сосед, выбравшийся для такого непростого разговора из-под машины, не дал ему закончить фразы:

— Вам, может, и неудачный, а по мне так очень даже хороший. Без него среди этой — он провел рукой вокруг себя — беспросветной тишины ну очень скучно. Вы откуда приехали — из столицы? Ну тогда вам эта тишина в радость, а меня от нее уже тошнит.

Высказав свою точку зрения, сосед решил, что тема исчерпана, и опять нырнул под машину.

А до них, наконец, дошло, что понимания с соседом достигнуть не удастся. И остается одно: принять обстоятельства и суметь к ним приспособиться. Что они и стали пытаться сделать: уходили из дома пораньше, возвращались попозже. Там, на природе, было замечательно. Но стоило вернуться домой...

Лада с тревогой ждала: что будет дальше?

А дальше было так: забравшись однажды на лавочку, муж бросил на другую сторону забора:

— Нет, ты все-таки давай потише. Если совсем без этого безобразия нельзя.

Последней фразы произносить, наверное, не стоило. Сосед, конечно, еще не забыл недавнего разговора, и потому сразу заговорил на высокой ноте:

— Че-го? Между прочим, я нахожусь на своей территории. А на своей территории я имею право делать все, что хочу! Какую громкость хочу, такую и врубаю!

Решив, что сказал не все, веско добавил:

— Мы хоть и не в столицах живем, а законы знаем. Закон на моей стороне! Тебе понятно?

Лада вклинилась в разговор и попыталась смягчить ситуацию:

— Послушайте, но ведь кроме бумажных законов, есть еще законы человеческого общежития. Конечно, их создают не юристы, зато они пишутся... сердцем.

— Ой, ой... Вот только не надо меня воспитывать. Не нравится — валите в свою Москву!

В тот вечер в их доме царило тягостное молчание. Лада молчала помыла посуду, полила цветы... что бы сделать еще? И вдруг...

— Эврика! Мы победим его с помощью Рахманинова!

Сначала она ничего не поняла:

— А разве он не умер в 1943 году? И не покоится очень далеко от этих мест, на другом даже континенте?

— Рахманинов будет жив, пока живет русский народ, — назидательно ответил супруг. Но затем вполне миролюбиво (и она облегченно вздохнула) перешел на разговорную лексику:

— Слушай сюда. Завтра, как и тебе, и мне известно, проездом на юг у нас останутся дети...

Дети (вместе с внуками) оставались у них всего одну ночь. Они пробовали задержать их надольше, но куда там! «На море, на море! — верещала малышня, а родители вторили им, сами как маленькие дети...

В общем, уже на следующий день, проводив гостей, они приступили к выполнению своего плана. Кир выставил на крыльцо дома колонки, привезенные сыном, и врубил на полную мощность Второй фортепианный концерт. В потоке обрушившихся на окрестность звуков «тых-тых» уютноли бесследно...

Через какое-то время поверх забора возникла знакомая голова.

— Ешь твою в клеш... Вы что — очумели? — стараясь перекрыть музыку (на этот раз действительно музыку) проорал он.

Супруг чуть уменьшил звук.

— А в чем дело? Разве мы не имеем право делать на своей территории все, что захотим?

Некоторое время сосед обалдело смотрел на них, не находясь с ответом. А потом растерянно (вот уж чего не ожидали) промямлил:

— Да ладно бы хоть музыку слушали. А то... белиберда какая-то.

— Каждому свое, — невозмутимо парировал муж. — Ты уж извини, но сегодня мы будем слушать эту, как ты выразился, белиберду.

И опять врубил колонки на полную мощность.

В эту ночь, как и в Москве, они долго не могли уснуть.

— О чем ты думаешь? — заговорил, не выдержав тишины, супруг.

— О том, как странно устроены люди. Ведь на одной и той же земле: один сочинял музыку, которую с восхищением слушал и до сих пор слушает весь мир, и в этом полагал свое предназначение и счастье, а другим для счастья достаточно примитивного «тых-тых».

В какой-то момент им показалось, что в соседнем дворе заурчал мотор машины. Сосед... уезжает?

Лада подошла к окну, тихонько отодвинула занавеску. Так и есть... От дома, освещая дорогу фарами, покатила машина.

«Ура-а-а», — тихонько, словно там, на улице, ее могли услышать, проговорила она. Хотя можно было бы сказать и громко. Можно было даже прокричать, и — освобожденно вздохнуть, наконец. Но в темноте почему-то прозвучало:

— Кир, тебе не кажется, что мы его... изгнали?

Муж ответил после значительной паузы:

— Изгнали? По-моему, мы преподали ему хороший урок. И заметь — главным действующим лицом во всем этом были вовсе не мы.

— Не мы, — молча согласилась Лада. И вообще — не хватит ли терзаться чувством несуществующей вины? Что, было бы лучше, если б у Кира, в конце концов, случился гипертонический криз?

Да она просто обязана завершить сегодняшний непростой день словами: браво, Рахманинов! Браво...

ДВА ОБЛАКА, ПЛЫВУЩИЕ ВДВОЕМ

...А под утро ей приснился сон. Его начало не предвещало ничего хорошего: они с мужем шли по улице родного города, то есть шли вместе, и вдруг он пропал. Исчез. Она в недоумении оглядывалась по сторонам, но Марка нигде не было видно. Она почувствовала себя страшно одинокой, потерянной в этом мире, захотелось увидеть хоть кого-то, хоть к кому-то притулиться, но была ночь, и вокруг — ни души. И вдруг...

Вдруг на противоположной стороне улицы она увидела кафе, в котором светились окна. Значит, ночное? Значит, работает? Бегом она побежала туда, открыла дверь — и поначалу все ее разочаровало: прежде всего, то, что людей здесь тоже почему-то не было, а потом она, любительница порядка, увидела на полу давно не метенный мусор, пластиковые столики тоже не блистали чистотой. И вдруг (опять — вдруг) посредине зала возникло что-то невероятное: столик, покрытый идеально белой скатертью. А за столиком сидел молодой человек, юноша, в таком же идеально белом костюме. Она пригладелась к нему внимательней и... едва не упала. Только невероятным усилием воли ей удалось удержаться на ногах и не потерять сознание, отказывающееся верить увиденному: за столом сидел Артем! Она заставила себя шагнуть вперед — к тому столику, к нему. И — дошла! Дошла, и опустилась на стул напротив. И спросила:

— Сынок, это ты?

— Это я, мам. Ты не волнуйся, ничего особенного тут нет.

— Как я рада тебя видеть!

— И я рад видеть тебя. Ты чем-то озабочена, огорчена?

Конечно же, неожиданная, невероятная встреча с сыном отсекала все, что было до этой минуты, но она опять сделала над собой усилие, чтобы вспомнить. И вспомнила:

— Понимаешь, сынок, мы шли по улице вместе с отцом. И вдруг он куда-то пропал. Я принялась его искать — то в одну сторону пойду, то в другую, а его нигде нет и нет.

— Он найдется, мам, это я тебе говорю. Ты мне веришь?

— Верю, сыночек. Я верю тебе больше всех на свете!

— Вот и хорошо. Увидишь — все будет, как я сказал.

И тут она опять вспомнила — самое горькое, что только может быть у матери: вот в таком же белом костюме они провожали сына ТУДА. Он и сейчас — она это чувствовала — опять должен был уйти ТУДА. И этому нельзя воспрепятствовать, это нельзя остановить — как бы сильно она этого ни хотела, как бы отчаянно громко ни закричала сейчас...

Что же он скажет ей на прощанье, что?!

— Мам, ты живи и ничего не бойся. Вот увидишь, все будет хорошо.

Сон прервал стук входной двери. Она не стала открывать глаз: нет, это невозможно, чтобы вот так сразу все оборвалось... он еще где-то здесь, Артем, надо только крепче закрыть глаза...

Бесполезно. Сон уже не вернется... И чего он так громко хлопнул

дверью, этот никуда не пропадавший, но тем не менее пока не нашедшийся супруг?!

Сон уже не вернется, но ведь чудо все-таки произошло: она видела своего сына, своего Тему! Она сидела с ним за одним столом. Он сказал ей какие-то важные слова. Эти слова надо вспомнить и хорошо обдумать, чтобы не забывать уже никогда. «Вот увидишь, все будет хорошо...» — вот что он сказал. А она сказала, что верит ему больше всех на свете, но... но ведь это невозможно! Без него — разве может быть хорошо?! Без него — своего дорогого и любимого... нет даже таких слов на свете, чтобы рассказать — какого дорогого, какого любимого...

А что еще он сказал? «Ничего не бойся». Ничего не бойся... Ну, с этой задачей она постарается справиться, хотя она тоже невероятно трудна. Трудна, но на чуточку все-таки полегче, и если она ему обещала... Про это думать она пока не будет. Потому что сначала надо обдумать вот это, самое первое: «Мам, ты живи...»

Это возможно, сынок?..

Живи — значит, найди в себе силы подняться с постели. Умыться. Причесаться. Сварить геркулесовую кашу. Сесть за стол. И если она обещала...

Ну вот, все и сделала — она уже сидит за столом. Обычно они едят утреннюю кашу вместе с мужем, но после всего, что произошло...

Сегодня, как и вчера, как уже много ней подряд Марк ушел на работу голодный. Может быть, попил чаю. Ему никто не варит кашу. И у нее самой тоже совсем нет аппетита. Это так непривычно — есть одной, если всю жизнь было иначе.

Все было иначе... Было: они — Марк и Лера — любящие друг друга муж и жена. У них — любимые дети. Сначала маленькие, потом подростки, потом вполне взрослые люди. Денис вот уже женат, у него свой сын-школьник. Артем жениться не успел... Но девушка у него была — славная девушка Виолетта. Она учится во Франции, в Сорбонне. Этим летом он летал к ней, они отдыхали вместе на Лазурном берегу, зимой собирались покататься где-нибудь на лыжах, на Домбае, например, но в конце лета... Темы не стало...

Она уже почти привыкла произносить эти слова без слез, лишь внутренне содрогнувшись. Вот почему посторонним кажется, что она — привыкла совсем. Только разве это можно — совсем?... Да, но именно сын произнес в сегодняшнем сне эти слова: ты живи, мам... Значит, надо хотя бы попытаться? Для начала она возьмет в руку ложку...

Мужа она действительно потеряла, только не во сне, а наяву. Потеряла даже раньше, чем сына. Потеряла в тот самый вечер, когда он заявил: хватит!

Они и пред этим уже частенько начинали говорить на повышенных тонах, но она все-таки помнила, отдавала себе отчет в том, что муж — глава семьи, отец ее детей, на нем держится их материальное благополучие, следовательно, относиться к нему надо соответственно. Она помнила еще и то, что когда-то их отношения начались с хорошего, романтического, можно сказать, чувства, и оно, это чувство, долго не покидало их, а когда начались заботы, связанные с бытом и воспитанием детей (садик, школа, поступление в институты, их трудоустройство), оно помогало преодолевать все связанные с этим сложности. И даже еще недавно...

Даже еще недавно она сама — всегда — провожала его на работу. За

годы совместной жизни у них выработался такой ритуал: утренний завтрак — тарелку геркулесовой каши, а затем чашечку горячего, ароматного, сваренного из свежемолотых зерен кофе, — они поглощают вместе. Потом он одевается, и у двери она целует его в щеку, а он наскоро обнимает ее за плечи, на секунду прижимая к себе. Наскоро и на секунду — большего уже и не надо. Молодость помахала им ручкой, ну и зачем грустить по поводу того, что ни остановить, ни предотвратить нельзя?

Она и в то утро проводила его на работу как обычно. А вечером не сумела себя сдержать. Нет, сначала она попробовала заговорить мирно, решив, что он, при всем своем уме и своей всегдашней заботе о детях просто чего-то недопонимает. Она так и сказала:

— Марк, ты, может, недопонимаешь... Тема оказался в трудной ситуации. Он должен отдать деньги. Чем скорее, тем лучше! Понимаешь, ему назвали конкретные сроки.

— А зачем он вообще связался с этими людьми? Почему не посоветовался со мной?

— Ты разве не почувствовал — он как раз-то хочет все делать, как ты! То есть — самостоятельно. Он хочет быть похожим на тебя, отца!

— Вот только что-то плохо это у него получается! И вообще... Тебе не кажется, что мы ему и без того много дали — квартиру, машину? Может быть, хватит? Иначе это уже будет захребетничество! Иначе он привыкнет получать все готовенькое и не научиться зарабатывать себе на хлеб сам! Или ты хочешь, чтобы он влился в ряды этих придурков, так называемой золотой молодежи?

— Но ведь он ввязался в эту сделку как раз потому, что хотел заработать свои первые деньги! Свои, понимаешь, а не папины!

— Вот и пусть карабкается сам! Захотел быть самостоятельным — вот и будь им, не прибегая к папиной помощи.

Она пробовала говорить что-то еще, но уже понимала, что — бесполезно. Сказав слово, Марк умел его держать. Чего бы это ему не стоило.

На этот раз плата оказалась непомерно, немислимо, невозможно высокой...

Он был такой ласковый мальчик, ее Тема. Она провожала его в садик и непременно целовала перед тем, как отпустить в группу. А он также непременно говорил: «Давай еще раз поцелуемся, и тогда пойду». Они целовались, он уходил, а она еще некоторое время стояла в дверях, приходя в себя от потрясения: сын пошел, и уже не оглянулся, чтобышний раз не огорчить маму. Горло перехватывало от жалости и нежности, но она привычно принималась убеждать себя в том, что — в садик же идет ребенок, где будет играть с детками-ровесниками, будет находиться под присмотром добросовестных воспитателей и нянечек, так чего же переживать? К тому же, надо бежать на работу, опаздывать никак нельзя: ее вот-вот обещали повысить в должности, и это очень кстати, потому что папа пока — рядовой инженер со скромной зарплатой, а два парня в семье — это серьезные расходы...

Новая должность пригодилась ей даже сейчас, когда она уже вышла на пенсию и перестала ходить на службу. Пригодилась в тот самый момент, в той самой ситуации, когда она услышала Марково «хватит». Она решила действовать сама. В критические моменты жизни Лера умела концентрироваться и сосредоточиваться на задаче, которую поставила перед ней жизнь. На этот раз задача была — во что бы то ни стало добыть

денег, ту самую сумму, которую сын должен отдать своим (нечестным? или просто неудачливым?) компаньонам. Заняться? От этой мысли она отказалась сразу: не хотелось посвящать в свою проблему посторонних людей. И даже близких друзей — тоже. Да и кто поверит, что у них нет денег? Все привыкли думать, что их семья — полная чаша, где однозначно не может быть никаких сложностей. А если они и возникнут — Марк без труда их урегулирует: деловые связи, а, главное, доходы генерального директора известного в городе предприятия (скромное в материальном плане инженерное прошлое давно позади) легко позволят это сделать. Вот пусть и дальше все считают так же. Она попробует все сделать сама.

После долгих раздумий и прикидок Лера поняла: взять кредит в банке — пожалуй, это самый верный выход из положения. Нужную сумму ей, не работающей пенсионерке, может быть, и не дадут, но хорошая трудовая книжка и приличный размер пенсии первый кредит позволят взять. А потом заработает схема: берет кредит в одном банке, деньги на уплату процентов — в другом. И так далее. Пока не наберется нужная сумма.

И когда эта сумма, наконец, набралась, Лера принесла ее Артему. Поначалу он отказался взять деньги наотрез, но она убедила его в том, что их дал отец. Да, все-таки дал, вот только не надо его сейчас благодарить, он еще сердит и на контакт с ним лучше пока не выходить. Она видела, как сын переживает: хотел быть самостоятельным, а получилось — опять без папочки не обошелся. Лера его убеждала: не все сразу получается, отцу тоже пришлось поперезживать и попотеть, пока он стал тем, кем стал; ты отдай деньги, успокойся и отдохни, наберись силенок, и тогда хорошенько подумай, что будешь делать дальше...

В ту злополучную субботу друзья — те, с которыми он рос и учился в институте, — пригласили его на пикник. «Мам, мы поедем за город шашлыки жарить. Ты не возражаешь?..»

Еще бы она возражала. Она и хотела, чтобы Тема, наконец, отдохнул от всех своих переживаний, от мучительного сознания, что вот у отца и брата получается быть деловыми людьми, а у него...

Миша, лучший друг Темы, потом рассказывал: «Мы жарили шашлыки, а Темка пошел к речке, побродить по бережку. Я чувствовал, что ему хочется побыть одному, ну и сказал: иди, с шашлыками мы и сами управимся. Переворачиваю шампура и изредка поглядываю на Тему: идет по краешку бережка, ну, там, где песочек, вы и сами знаете. Потом разулся, в воду зашел, хотя вода уже прохладная была. И вдруг... пропал. Я поначалу подумал: сел отдохнуть. Но через какое-то время тревожно стало, пошел по его следам. Смотрю: лежит у самой воды... Конечно, мы сразу позвонили в скорую, сами пытались делать ему искусственное дыхание. Хотя уже понимали: бесполезно...»

Нет, она больше не будет вспоминать этот рассказ. Она больше ничего, ничего вспоминать не будет. Только сегодняшний сон. Как она хотела его увидеть... как хотела услышать... обнять... Господи, ну почему она не сообщила, не догадалась его обнять, пока они были вместе?!

Каша безнадежно остыла. Бог с ней, кашей. Хотя... если «мам, ты живи», то она просто обязана съесть хотя бы две ложки этого геркулеса. Нет, три — я съем целых три ложки, сынок. За тебя, за Дениса, за внука... может, еще за отца? Нет, за него пока не могу.

Наверное, я его действительно потеряла, сынок. Пожалеть денег для родного сына... Разве такое можно простить? Вчера — так получилось —

они проснулись одновременно, и она не успела закрыть глаза и сделать вид, что спит. И он воспользовался этим, поспешил спросить:

— Лер, как мы будем жить дальше?

Она холодно подумала: надо было задаваться этим вопросом раньше. Захотелось вдруг обыкновенной бабьей истерики: крик, слезы, проклятия и обвинения... Увы — ничего такого она никогда не умела делать, не было в ее арсенале таких действенных, как утверждают подруги, средств. Она просто отвернулась к окну и смотрела, как дрожит марево застывших в глазах слез... Но краешком сознания продолжала думать: если бы ты не жмотничал... если бы мы решили эту проблему сразу — сыну не пришлось бы так переживать. Она уверена — все произошло потому, что не выдержало сердце (собственно, такой вердикт вынесли и врачи). Он так хотел быть похожим на них: на отца, на брата. Он хотел быть успешным, как они. Он не понимал...

А она понимала?! Вспомни, вспомни — в пятом классе, после родительского собрания классный руководитель, милейшая Раиса Викентьевна, попросила ее задержаться. Она уселась на парту напротив нее и сказала своим негромким, ласковым голосом (за что ребята ее и любили):

— Валерия Дмитриевна, я хотела бы вам сказать... Ваш Артем неплохо успевает по всем предметам, но больше ему даются все-таки гуманитарные. Точнее даже будет сказать так: его главные способности лежат в области искусства. Вы заметили, как хорошо он рисует?..

Лера встала из-за стола, подошла к окну. За окошком хозяйничала осень: срывала с деревьев листья, устилала ими тротуары и проезжую часть улицы. Перекрашивала небо и сам воздух в серые тона...

Конечно, она заметила. Мало того, что по этому предмету — рисованию — сын приносил сплошные пятерки, он еще и дома переводил невероятное количество бумаги, заноса на нее все, что попадало на глаза: зимнее окошко, до него уже разрисованное морозом, чайную чашку на столе, из которой она пила свой утренний кофе, ветку сирени в бокале (однажды летом Лера сорвала ее на улице и принесла домой; веточка была маленькой, но выбросить ее было жалко, и она поставила ее в бокал). В десятом сын уже нарисовал портрет своей Виолетты — она как раз собиралась уезжать с родителями во Францию. Он нарисовал ее карандашом, одной непрерывной линией, и хотел подарить рисунок ей, но потом передумал: «Пусть ты останешься со мной хотя бы так». И Виолетта согласилась...

В десятом уже надо было определяться с профессией и решать, кем быть. И — что? Денис уже заканчивал экономический факультет университета, и отец твердо сказал младшему сыну: ты будешь поступать туда же. Смотри, что происходит в государстве. Чтобы ориентироваться в нынешней что политической, что хозяйственной неразберихе, вдобавок к мозгам совсем нелишне иметь еще и экономические знания.

Почему она не сказала тогда ни слова против? Потому что привыкла, что главные решения в семье принимает муж. Потому что у него самого получилось вписаться в условия новой реальности. Потому что старший из сыновей пошел по стопам отца, и разве в этом было что-то плохое? Скорее, наоборот: когда отец и сын работают в одной сфере, они всегда могут помочь друг другу и финансами, и советом. Так почему бы и младшему не пойти той же дорогой?..

Вот потому она и промолчала. Тем более, что Тема... Ах, Тема... Он всегда был не то чтобы не уверен в себе, но очень хотел, чтобы всем, кто

его окружает, кого он любит, было хорошо. Он понимал, что ему хотя бы добра, и как он может не пойти навстречу тем, кто его желает? В конце концов, рисовать можно и в свободное от учебы и работы время. Вот — он надеялся, он верил, что успеет все: и на службу ходить, и рисовать. А вот когда он научится рисовать и добьется на этом поприще успехов... Он говорил ей, матери: «Разве не так было у Поля Гогена? Начинал матросом, потом стал биржевым маклером (уж как далеко от искусства!), а закончил “величайшим художником человечества” — так сейчас пишут о нем». Еще он называл имена Сильвестра Сталлоне, Боба Дилана — «мы одного знаем как великого актера, другого — как замечательного музыканта, а они знаешь как здорово рисуют? А Уинстон Черчилль? Всему миру известен как великий политик, и мало кто в курсе, что он создал за свою жизнь не одну сотню художественных полотен, а мама? Сумел же, успел же, несмотря на чрезмерную загруженность...» Она слушала и удивлялась: оказывается, у него это все серьезно продумано... Тогда же ей на глаза попала статья о Наде Рушевой: когда родители стали советоваться с друзьями, в какое художественное училище определить девочку, некоторые из них выразили сомнение: а надо ли это делать вообще? Не убьет ли такая учеба индивидуальный почерк юной художницы, который уже оценил весь мир? В общем, она, наверное, так же, как и сын, понадеялась, что в жизни можно успеть все.

Впрочем, нет, себе самой надо признаться честно, ее логика была такой: пусть сначала приобретет надежную профессию, а там уж, чем хочет, тем и занимается. Сколько родителей рассуждают подобным образом...

Если бы она знала тогда, что художественная натура и прагматизм — две вещи несовместные. Или почти несовместные, потому что у кого-то все-таки получается совмещать и то, и другое. А у кого-то...

Прости, сынок... Не получается — всю вину свалить на отца. Она виновата тоже.

И все-таки... все-таки почему он так упорно, так железно стоял на своем «хватит»? Лера спросила себя, уже зная ответ. Потому что Марк считал, что человек, тем более мужчина, в состоянии справиться с любой ситуацией — надо лишь проявить твердость и настойчивость. Эти качества он тренировал в себе с юности. Он всегда занимался каким-либо видом спорта, но любимым было плавание. С этим связана такая история: однажды в бассейн, где занимался Марк, пришла съемочная группа с местного телевидения: надо было прорекламить ласты, которые взялось производить местное предприятие. Конечно же, тренер выбрал для съемок Марка: высокий, красивый молодой человек, мастер спорта по плаванию — кто лучше него справится с задачей? Словом, телевизионщики пошли к концу водной дорожки устанавливать аппаратуру, а его оставили, вручив ласты, вначале: готовься, мол, к съемке. И вот — сигнал: начали! Марк поплыл. Тренер стоял на финише с секундомером: одна, две, три... Молодец! Не только уложился в отведенное время, но и приплыл гораздо раньше намеченного срока: вот что значит новая продукция «Дельфина»! Представители фирмы пожимали Марку руки, благодарили за помощь, а под конец решили подарить спортсмену разрекламированные им ласты. «Кстати, где они?» — поинтересовался руководитель съемочной группы. «А там, где вы их и оставили», — простодушно признался спортсмен. «Так вы что —плыли без них?» «Я считаю, что в

спорте, как и в жизни вообще, самое главное — тренированное тело и характер. И тогда не нужны никакие дополнительные средства». Конечно, этих слов в репортаже не оказалось. А все остальное в кадр вошло: водная дорожка, плывущий спортсмен, аплодисменты встречающих...

Он и сейчас такой, Марк. Он до сих пор считает, что человеку все может быть по плечу, если не расслабляться, если идти к цели настойчиво и упрямо. Единственное — со временем к условиям «тренированное тело и тренированный характер» прибавил еще одно условие: тренированные мозги.

Но мог же, должен же был он понять, что их сокровище, их родной сын тренирует себя, возможно, для другой цели?!

Лера перевела взгляд с деревьев на бегущие по небу облака и вдруг обнаружила странность: ветви, раскачиваемые ветром, клонились в одну сторону, а облака на небе плыли в другую. Разве такое возможно? Никогда этого не замечала. Потом в интернете она найдет этому объяснение: причина — в разнице воздушных потоков. На земле они могут быть направлены в одну сторону, а там, в вышине, в другую. А тогда она обратила внимание еще и на другое: облаков на небе совсем немного, а два из них еще и очень похожи друг на друга. Они плыли по небу, как два щенка, тесно прижавшиеся друг к другу...

Звонок прозвучал оглушающее резко, и она удивилась: что, он уже пришел с работы, а она так и простояла целый день у окна?

Простояла, и сейчас не сдвинется с места. Прошло то время, когда она шла его встречать, помогала раздеться, вела на кухню...

Лера стояла у окна, но и не видя знала: вот он снимает шарф, вот вешает на вешалку пальто, снимает ботинки...

Все знала, все чувствовала, и все-таки — вздрогнула, когда он подошел к ней совсем близко, но не решаясь ее коснуться.

— Лер, ты считаешь, что во всем виноват я?

Она долго не отвечала. Очень долго. И он терпеливо ждал, что она скажет. Ждал ее приговора.

Лера ответила так, как не ожидала и сама. Она сказала:

— Нет, я так не считаю.

— Почему? — не поверил он.

Она опять долго молчала. Потом сказала:

— Наверное, со своей мужской точки зрения ты прав, вот почему.

И тогда он решился протянуть к ней руку. Она увидела, что рука эта дрожит. А потом почувствовала ее на своей руке. И тут же вспомнила, какой страх охватил ее этой ночью, на безлюдной улице, на которой она вдруг оказалась одна. И тогда она заставила себя повернуться к мужу. Он смотрел на нее жалко и растерянно, как провинившийся ребенок. Но мужчина не должен быть ребенком... значит, надо дать ему возможность вспомнить, что он мужчина...

— Смотри — вон на небе два облака. Деревья на земле гнутся в одну сторону, а они плывут в другую. Я не знаю, почему так, но, кажется, знаю, куда они плывут: назад, откуда когда-то пришли. Знаешь, кто эти облака? Это мы с тобой. И мы уже плывем туда, откуда пришли на эту землю. Но мне... не страшно. Знаешь, почему?

Она позволила себе перевести дух перед тем, что сказать дальше.

— Потому что мы вместе. Так захотел сын, Тема.

И потом уже рассказала ему сон...